

**Лорейн Заго
РОЗЕНТАЛЬ**

Лорейн Заго
РОЗЕНТАЛЬ

**И СНОВА
О ЛЮБВИ**

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 Сое)
Р64

Lorraine Zago Rosenthal
OTHER WORDS FOR LOVE

Печатается с разрешения литературных агентств
The Fielding Agency и Andrew Nurnberg

Дизайн обложки Екатерины Климовой

**Школа перевода
В. Баканова**

Розенталь, Л.З.

Р64 И снова о любви: роман / Лорейн Заго Розенталь;
пер. с англ. О. Корчевской. – Москва: Издательство АСТ,
2015. – 320 с. – (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-090981-0

В жизни Ариадны Митчелл нет ничего примечательного: обычная школа, мнительная старшая сестра, в мужа которой Ари влюблена, чрезмерно опекающая девочку мать.

Но все меняется, когда семья неожиданно получает наследство. Ариадну переводят учиться в элитную школу. Теперь у нее новые друзья из состоятельных семей, и она без ума влюбляется в одного из них – в красавца Блейка. Золушка из Бруклина и прекрасный принц из Манхэттена.

У этой истории будет счастливый конец. Все испытания, через которые мы проходим, делают нас только сильнее.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 Сое)

ISBN 978-5-17-090981-0

Copyright © Lorraine Zago Rosenthal, 2011
© О. Корчевская, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2015

От автора

Выражаю искреннюю признательность моим близким за постоянную поддержку, глубочайшую благодарность моему агенту Элизабет Эванс за внимание и энтузиазм, а также сотрудникам издательства «Делакуорт пресс» — особенно редактору Стефани Лейн Эллиот, — всем, кто не жалел сил, чтобы эта книга появилась на свет.

Глава 1

В 1985 году почти всех, кого я знала, пугали ядерная атака русских и ужасная смерть от СПИДа. По Нью-Йорку ползли слухи, что страшный вирус обитает даже на трубках таксофонов.

Впрочем, моя лучшая подруга Саммер не боялась подхватить СПИД. В двенадцать лет начав целоваться с мальчиками, она вписывала имя каждого из них в свой дневник в ярко-красной бархатной обложке.

Я дневников не вела. Мне они были не нужны — целовалась я всего лишь раз, когда после восьмого класса мы всей семьей отдыхали в горах Катскилл. После поцелуя мальчик (из Коннектикута) принялся поучать меня: дескать, я слишком широко открываю рот, а по красоте он даст мне только четыре балла из десяти. «Не вздумай строить планы, — сказал он. — Девчонки из Бруклина нагоняют на меня тоску. К тому же через два дня я уезжаю, и мы больше никогда не увидимся».

Кто бы возражал! О поцелуе хотелось скорее забыть: вовсе не об этом мечтала я, когда тренировалась на тыльной стороне руки, представляя красавчиков из «Главного госпиталя» или «Дней нашей жизни». Ни один из них не оценил бы меня на четыре балла и уж точно не бросил бы «смотри, куда прешь», столкнись мы с ним утром за завтраком.

— Ты что это делаешь? — спросила позже мама, заметив, как неистово я начищаю зубы в надежде, что возбудители СПИДа не попали мне в рот.

Она меня предупреждала, что неприятности таятся в самых неожиданных местах. Поэтому о случившемся я не проронила ни слова.

Мы с Саммер учились в разных школах. Я ходила в местную бесплатную в Бруклине, она — в Холлистер, первоклассную частную гимназию в Верхнем Ист-Сайде, которая была не по карману моим родителям. В отличие от родителей Саммер. Впрочем, вовсе не по этой причине она перевелась туда всего лишь через три месяца учебы в моей школе.

Некоторые девчонки распускали о Саммер слухи, сочиняли грязные истории о том, что она якобы обслужила целую команду реслингистов, а потом добралась и до тренера. «Саммер Саймон — соска!» — написали они красным лаком для ногтей на стене в школьном туалете и понаклеили скотчем упаковки с презервативами «Троян» на дверцу ее шкафчика.

Саммер расплакалась.

Пока она ревела, закрыв лицо руками, я отрывала презервативы и пыталась ее успокоить:

— Забудь! Они тебе завидуют, ведь ты нравишься всем мальчишкам.

Я еле-еле это выговорила, потому что сама завидовала не меньше. Однако Саммер вытерла глаза и улыбнулась — значит, я поступила правильно.

Она тоже сделала мне много хорошего. Например, не перестала дружить со мной, когда перевелась в Холлистер и влилась в тамошнюю тусовку.

Десятый класс был позади. Мы сидели на раскладных стульях в саду за домом моей сестры Эвелин, в Ку-

инсе. Саммер изящной ножкой катала по траве набивной мячик.

— Впереди целых восемь недель каникул! — произнесла она.

Кивнув, я посмотрела на свою неизящную ногу: мозоль на пятке, болячка на щиколотке, а еще мне бы точно не помешал педикюр, с которым у Саммер было все в порядке.

Накрашенные ногти на ее ногах блестели на солнце, длинные светлые волосы, искусно подцветенные, обрамляли хорошенькое личико. Темноглазая, всегда эффектно одетая, она благоухала ароматом «Лер дю Там». Еще со средних классов ухажеры у Саммер не переводились. Последним ее завоеванием был второкурсник из Колумбийского университета, с которым она познакомилась в сентябре прошлого года и который под Хеллоуин лишил ее девственности. «Ему девятнадцать, так что это противозаконно, — прошептала она мне на ушко на следующий день. — Никто не должен знать».

Но я-то знала. И завидовала. После перевода в Холлистер все у нее шло как по маслу. Саммер почти не сидела за учебниками, но всегда числилась в списке отличников. Она не мучилась с математикой, была экспертом в моде и знала наизусть все достижения любого игрока «Янкиз». Единственный ребенок в семье, она жила в шикарном особняке в Парк-Слоуп. Даже имя ее ласкало слух. Как у кинозвезды: Саммер Саймон.

Меня терзал вопрос: неужели ее родители заранее все так здорово просчитали? И конечно, я жалела, что мои оказались не такими сообразительными. Неужели не ясно, что мальчикам больше по душе девочки по имени Саммер Саймон, чем те, которых зовут Ариадна Митчелл? Лучше бы мама увлекалась кино, а не литерату-

рой. Надо же было додуматься: назвали в честь какой-то стародавней чеховской повести.

Мама обожала книги. Она получила диплом магистра английской словесности и преподавала литературу в шестых классах государственной школы. По ее мнению, мою подругу слишком переоценивали. Мать говорила, что Саммер — коротышка, большая любительница покочетничать и к тому же абсолютно ненастоящая: крашенные волосы, макияж, накладные ногти. У меня фигура куда лучше, заявила она, ведь я тоньше и на три дюйма выше Саммер. «Черные как смоль волосы и светло-голубые глаза — редкое сочетание. Поблагодари за это отца».

— Ари, — сказала Саммер, — Патрик сегодня просто красавец.

Мое внимание переключилось на мужа Эвелин, хлопчущего у барбекю в противоположном конце двора.

Я запала на него с первого взгляда. Теперь Патрику уже стукнуло тридцать. Высокий, светловолосый и кареглазый, с потрясающим мускулистым телом, он регулярно поднимал штангу и служил в Нью-Йоркском департаменте пожарной охраны. В тот день Кирану, их с Эвелин сыну, как раз исполнилось пять лет. И моя сестра вновь была беременна.

— Ты совсем помешалась на парнях, — буркнула я.

А что мне оставалось? Сказать Саммер, что знаю, какой Патрик классный и что в спальне для гостей я всегда прижимаюсь ухом к стене — слушаю, как они с Эвелин занимаются сексом? Чего доброго, подумает, я извращенка...

— Бывай, сестренка-а! — сказал мне Патрик на прощание. Последнее слово он произнес, по-бостонски растягивая гласные. Шоколадную крошку на именинном торте Кирана он называл «обсыпкой» и жаловался, что сегодня «вааше такая жара».

— В слове «сестренка» на конце одна «а», Патрик Кэгни, — съехидничала я.

— Не выпендривайся, — ответил он. — Своего отца ты тоже отчитываешь?

Маму передергивало от того, как Патрик искажает слова. Однако он был прав: наш отец тоже говорил с сильнейшим бруклинским акцентом, который мама успешно искоренила у меня, но не у Эвелин. Речь моей сестры была засорена не меньше речи Патрика, а лексикон — как у пьяного матроса, особенно когда она в плохом настроении.

Сегодня Эвелин не злилась, прощаясь с нами у дверей скромного дома, где всегда царил хаос, а обои на стенах не менялись с 1972 года. С улыбкой она смотрела на меня своим томным взглядом из-под тяжелых век. В моем возрасте Эвелин пользовалась не меньшей популярностью, чем Саммер сейчас. Каштановые волосы, точеный носик и пухлые губки сводили с ума всех соседских мальчишек.

— Приезжай на выходные, — пригласила она, крепко меня обняв.

Я почувствовала увеличившийся живот и заметила, что ее подбородок тоже слегка округлился. Лицо Эвелин оставалось прекрасным, однако набранный после первой беременности вес никак не хотел уходить.

Фигуру сестры я никогда не критиковала, и мама тоже — ей и самой не мешало бы сбросить фунтов тридцать. Впрочем, ее это ничуть не заботило. Мама ни за что не отказалась бы от любимых шоколадных кексов и домашних воскресных обедов из жареной курочки и картошки с подливой. «Еда — одно из маленьких удовольствий жизни», — любила повторять она.

Усевшись в старенькую «хонду», мама закурила, и мы помчались назад в Бруклин. Окна в машине открыли, потому что кондиционер сломался, и мамины воло-

сы — длиной до плеч, каштановые от рождения, а сейчас тронутые сединой, — трепал ветер. На своей свадебной фотографии она выглядела совсем как Эвелин, только нос не такой изящный. А веки со временем у нее, пожалуй, слишком отяжелели.

— Саммер, твои родители дома? — спросила мама с водительского места.

Я едва сдержала смех. Можно подумать, нам по восемь, а не по шестнадцать лет. Но мать была убеждена: родители обязаны всегда заниматься своими детьми. Поэтому и пошла в учителя — чтобы встречать меня у дверей школы после уроков и вместе проводить августовские вечера на Кони-Айленде. Она сетовала, что отец редко бывает дома, хотя и не по своей вине — он работал детективом в отделе по расследованию убийств на Манхэттене, а город просто заполонили преступники.

— Дома, миссис Митчелл, — пролепетала Саммер, и мне показалось, что она отвечает как мамина ученица. Дети боялись мою мать и чуть не писали в штаны, когда она рявкала своим хриплым голосом на весь класс.

Дома в квартале, где жила Саммер, все как на подбор отличались двойными парадными дверями, величавыми эркерными окнами и элегантными крышами. Когда мы припарковались у тротуара, ее родители обустроили крохотную клумбу во дворе.

Мы жили на Флэтбуш-авеню, наш дом не был ни большим, ни величавым, а почти таким же, как у Эвелин: кирпичный, двухэтажный, с тремя спальнями, сорока лет от роду, но гораздо уютнее. На нашей лужайке возвышалась оставленная прежним хозяином статуя святой Анны. Я была уверена: она знает, что ее бросили. «Это мать Пресвятой Девы Марии, — сказала мама. — Выселить ее — большой грех». В дождливую погоду по щекам святой Анны лились слезы.

Узнав про статую, Эвелин решила, что мы спятили. Она всегда закатывала глаза, когда мать вспоминала о религии. Сестра называла маму липовой католичкой — одной из тех, кто ходит в церковь как в кафе, чтобы следовать тем законам, что им по душе. Мы и в самом деле посещали службу лишь изредка, на Рождество и на Пасху, и не воздерживались от мяса по пятницам во время поста. Однажды мама даже подписала петицию за разрешение аборт, которую нам принесла дама из Национальной организации женщин. «У женщин должно быть это право, — заявила мать, поймав мой насмешливый взгляд. — В мире и так полно нежеланных детей». Я посмотрела на святую Анну в голубом со сколами платье, с покрытой золотой шалью головой, держащую на руках малышку-дочь, и в то мгновение мне показалось, что вид у нее печальный.

— Саммер с кем-нибудь встречается? — спросила мать.

Через несколько часов после возвращения от Эвелин мы сидели в гостиной и наслаждались ветерком, проникавшим в комнату сквозь противомоскитную сетку. За окном слышался треск пиратских петард. Я красила ногти на ногах и в сумерках едва различала, что делаю, но включать свет не хотелось, потому что темнота скрадывала неказистую мебель и делала незаметной дырочку в диване — в прошлый сочельник мама, перебрав эгг-нога*, случайно прожгла обшивку сигаретой.

— Пока нет. Со студентом они расстались, — сказала я, вспоминая других бывших парней Саммер.

* Рождественский напиток на основе сырых яиц и молока, в который иногда добавляется алкоголь. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Как-то раз я поинтересовалась, скучает ли она по ним. Саммер пожала плечами и ответила: «Я не часто вспоминаю мальчиков из прошлого. С ними было хорошо, но в моем будущем им не место». Меня удивило ее безразличие, однако я решила, что она, возможно, права.

— Значит, она сейчас без парня? С ума сойти! — сказала мама, попыхивая сигаретой.

Мне не нравилось, что она так много курит. Не хватало, чтобы она заболела или чтобы в конце жизни ей пришлось ходить с кислородным баллоном. Раньше я умоляла ее бросить, но она и не пыталась — слишком сильно укоренилась привычка. Или упрямство не позволяло. Курение было для нее еще одним маленьким удовольствием. Так что теперь я переживала за нее молча.

— Влипнет Саммер когда-нибудь, если ты понимаешь, о чем я.

Еще бы! Я прекрасно помнила, как мать предупреждала Эвелин — все без толку. На зимних каникулах в выпускном классе Эвелин сообщила родителям, что «влипла». Затем она получила свидетельство о среднем образовании, перед Пасхой вышла за Патрика, а дождливым июньским утром родила Кирана.

Позже я заняла ее спальню. Еще до того, как мы успели доесть остатки свадебного торта Эвелин, мама навела там порядок. «Студия» — так теперь называлась у нас эта комната. Там я рисовала интересные лица. А они попадались повсюду — в школе, в метро, в супермаркете. Свои работы я показывала только маме и учителям рисования, потому что другие оценить не могли. Мама подмечала особенности разреза глаз, изгиба рта. Она считала, что мне передались ее художественные способности, те самые, благодаря которым она сочиняла свои романы, которые никогда не заканчивала.

«Я могла бы стать писателем, — порой говорила она. — Или редактором в большом издательстве». Потом, посмотрев на меня, улыбалась, словно все это чепуха, и добавляла, что я — ее лучшее творение. И что у меня будут все возможности, которыми она так и не смогла воспользоваться.

Я и не ожидала, что возможность представится так быстро. В день, когда мы с мамой приехали домой после барбекю, я заснула на доставшейся мне от Эвелин кровати с балдахином. Меня разбудили знакомые звуки: поворот папиного ключа во входной двери, мамины шаги в прихожей, поздний ужин и разговоры на кухне.

Однако в этот раз я не услышала обычных фраз вроде «счет за электричество», «водопроводчик», «этот зараза-сосед опять поставил машину так, что к дому не подобрешься». Сегодня речь шла о телефонном звонке и деньгах, и мамин голос непонятно отчего звучал радостно.

— Дождемся утра, Нэнси, — произнес папа.

— Но ведь это замечательно, Том, — отозвалась мама.

Она вошла в мою комнату поделиться новостью, которая отнюдь не показалась мне замечательной:

— Умер дядюшка Эдди.

Я увидела стоящего в коридоре папу, маму у моей кровати и дядюшку — в своем воображении. Это был папин дядя, холостяк, который жил один в съемной квартире.

— О... — только и смогла ответить я.

Мы с папой частенько навещали дядюшку Эдди. Он обожал телевикторины и угощал меня шоколадными конфетами из большой коробки. У меня всегда сжима-